

Москва

11
2017

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив
журнала «Москва»

11
2017

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Сергей АКЧУРИН. Чужие на земле. Рассказы	3
Татьяна ПИСКАРЁВА. Предчувствие. Стихи	34
Александр СЕГЕНЬ. Циньен. Роман. Окончание	38
Ирина ГОЛОТИНА. Вечерами горят небеса. Стихи	120
Олег ХАФИЗОВ. Китоврас. Рассказ	125
Валентина КОРОСТЕЛЁВА. Золотые письма. Стихи	139

Камертон

Надежда БОЛТЯНСКАЯ. Вечного дерева корни. Стихи. —	
Анастасия ЕРМАКОВА. Будет светло и ясно...	144

ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил СМОЛИН. Чем опасен для России проект «Украина»?	151
Константин ЗАЛЕССКИЙ. Подготовка общества к перевороту	163
Михаил ЗЫЗЫКИН. Земский Собор или Учредительное собрание. <i>Публикация Михаила СМОЛИНА</i>	169

КУЛЬТУРА

К 50-летию первой публикации «Мастера и Маргариты» в журнале «Москва»

Елена СТРЕЛЬЦОВА. Видение лица	174
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Загадка Александра Зиновьева	188
Андрей ВОРОНЦОВ. Неверная ретроспектива	197
Николай ПИОТРОВСКИЙ. Большой стиль	203
Артур АТАЕВ. Путь в Россию через остров Лемнос	209

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

- Рецензии на книги:* Роберт РОУПЕР. **Набоков в Америке.** — Джон УИЛЬЯМС. **Стоунер.** — Максим АРТЕМЬЕВ. **Путеводитель по мировой литературе.** — Евгений ШИШКИН. **Мужская жизнь.** — **Переписка Великого Князя Константина Константиновича с родителями и няней В.П. Михайловой. 1863–1908 гг.**..... 212

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

- Владимир КИСЛОВ. **Церкви и храмы Покровки** 223

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

- Архиепископ НИКОН (РОЖДЕСТВЕНСКИЙ). **Можно ли молиться за души самоубийц и еретиков?** 227
Священник Валерий ДУХАНИН. **Святитель Игнатий (Брянчанинов) о терпении скорбей и искушений** 233
Священник Димитрий ШИШКИН. **О знании и любви** 236

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Заместитель главного редактора М.М. ПОПОВ (495) 691-71-10

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ,
М.Б. СМОЛИН (председатель), епископ ТИХОН (ШЕВКУНОВ)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 12.10.17. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Тираж 1480 экз.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: **73253** — каталог РОСПЕЧАТЬ, **15612** — «Пресса России», **45211** — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда». 123007, г. Москва, Хорошевское ш., 38. Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62. Сайт: www.redstarph.ru; e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 11, 2017

СЕРГЕЙ АКЧУРИН

ЧУЖИЕ НА ЗЕМЛЕ

Сергей (Серго) Евгеньевич Акчурин родился и вырос в центре Москвы. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького.

Первые рассказы опубликовал в журнале «Литературная учеба», с предисловием Юрия Трифонова. Печатался в журналах, коллективных сборниках. Работал составителем альманаха «Подвиг», писал рецензии, сотрудничал с киностудиями — по двум сценариям вышли фильмы в 80-х годах прошлого века: «Все могло быть иначе» и «Диссидент».

Автор книг «Воздушный человек» (1989), «Повести» (2000), «Маджонг» (2014). В последнее время пишет и публикует рассказы, очерки и сказки, которые издаются в России.

В 2013 году стал финалистом Всеканадского конкурса сказок — первое место за сказку «Blacky & the Glacier», в 2016 году — лауреат премии журнала «Москва».

Член Союза писателей.

РАССКАЗЫ

Десять ситцевых платяев

В августе пятидесятипятилетняя женщина получила по Интернету письмо от своей самой младшей сестры из Ленинграда, который упорно продолжала называть Санкт-Петербургом:

«Привет, Лидка! Как поживаешь? У меня уже две дочи, вторую назвали в честь тебя: Лидией. Сразу после родов Антон ушел к другой, и я осталась одна, а вернее, с Машей и Лидочкой... Чему и безмерно рада, нам, девочкам, втроем хорошо, царит полное взаимопонимание, и ни в одном углу не валяются вонючие мужские носки! Напиши мне».

Лида тут же ответила:

«Люська, я очень за тебя рада! Мужчины — дело наживное, ты еще совсем молода, а Ленинград — город большой, найдешь *что-нибудь* со временем. Да и время сейчас другое, такое понятие, как “тянуть свою лямку”, которое я застала, уже ушло, у тебя вон три высших образования, ты не только себя и детей, но и Антона обеспечивала, так что главное у тебя есть: не нуждаешься, — а все остальное приложится. Живи и работай в свое удовольствие! А у меня уже родилась третья внуца! Назвали в честь моей мамы: Елизаветой. В этом году на даче дикий урожай яблок, не знаешь, куда их девать, белый налив и грушевка так и падают, падают, и штрифель вот-вот пойдет, мельба, и зимние на подходе. Вся земля устлана яблоками. Поставила бродить сидр. Приезжай в сентябре ко мне, не виделась уже десять лет!»

Люська, то есть Людмила, сразу ответила:

«Вот именно, Лидка, все так и идет: сначала дочи, потом внуци, потом правнуци, а потом и могил-

ка — о! Так и не встретимся никогда! Яблоки — это к чему-то! Война? Шучу, конечно! Так что я к тебе в сентябре заявлюсь. И сейчас напишу Наде и Верке — может, и они подъедут, не так уж и далеко эти Казань и Вологда. А ты там, в Москве, позвони Анне и Тамаре, а с Наташкой у вас дачи, кажется, рядом?»

«Дачи у нас с Наташкой рядом, — ответила Лида, — видимся через день, вместе у одной козы молоко берем. У них слив в этом году много, мы все варенья наварили. Она уже защитила докторскую, и у нее тоже уже две внучи, длинные и худющие, как осинки. Но раз уж взялись встречаться, то надо бы магаданских спросить: возможно, и они прилетят? Хотя так не бывает... Я знаю, что Марина болела, но выздоровела, ей дали инвалидность 3-й группы, а Варя сейчас в экспедиции где-то в тундре, но к сентябрю вернется в Магадан — она мне об этом еще в мае писала. Но как быть с Инной?»

«Я в конце августа буду на симпозиуме в Женеве, — ответила младшая сестра, — там до Зальцбурга — рукой подать, я Инку утащу с собой точно, пусть от нее этот Йохан отдохнет, и сразу, не заезжая домой, рванем к тебе. Давай число установим и сообщим сестрам».

«10 сентября отцу было бы 80 лет...» — ответила Лида.

«Отлично, на этом точка, будем действовать!»

* * *

Хоть это и было невозможно, не верилось в такую возможность, но к десятому сентября десять как обычных родных, так и единокровных сестер съехались на подмосковную дачу к старшей сестре — Лидии.

Стояла жара, и падали яблоки. От них по земле было не пройти.

Сестры прибывали одна за другой все девятое сентября, вспотевшие после дороги и от подмосковной жары, и сразу разоблачались, окатывали себя черпаками воды из бочки и ведер, ходили по яблокам босиком. Спрашивали: «Где твой?» «Я их в город отправила, — отвечала Лида, — места и так мало для всех, вы все крупные». Сестры действительно были крупными, как лошади, здоровыми особями, с размашистыми движениями и очень живыми, «стреляющими» глазами, которые выдавали одну породу; у всех были несколько широкие запястья и лодыжки и длинные, немного мускулистые, спортивного склада ноги. Возраста на вид сестры были как будто бы одного, хотя разброс между старшей и младшей составлял лет пятнадцать. У трех сестер не оказалось с собой купальников, и Лида предложила им выцветшие халатики из дачного барахла, которые они не смогли на себе застегнуть, халатики треснули, и поэтому сестры стали ходить так, в лифчиках и трусах, все равно на участке, кроме женщин, не было никого.

Дача была летней, старой, подновленной на вид. Две комнаты, крытая веранда, отдельный, примыкающий к дому флигель кухни. В саду был колодец, к сплошному забору, частью загороженному малиной, примыкал сарай, повсюду в беспорядке стояли и валялись ведра, лейки, горшки, лопаты, грабли и — яблони, яблони... Под яблонями, в лучшем месте, стоял длинный, самодельного производства дощаный стол, шаткий, врытый нелепо приспособленными к нему кривыми, тонкими, кажется, от

«венской» мебели ножками в землю. К приезду сестер Лидия окружила этот стол стульями и табуретками разных мастей, а рядом еще, в тени, выставила два шезлонга.

Но сестры, не отдыхая с дороги и даже не перекусывая, если не считать яблок, которые они тут же начали грызть своими здоровыми, белыми зубами, безмолвно и с ходу, как у себя дома, принялись заниматься хозяйством: одни взялись помыть полы в комнатах и на веранде, другие таскали для этого воду в дом из колодца, третьи, смахнув со стола ветки и листья, застрочили падалицу на сушку, причем так быстро, что на глазах росла гора яблочных долек, и вопрос был только в том, где все это потом разложить. Последними, уже в подмосковном вечере, приехали магаданские: Марина и Варя, и тогда яблоки унесли на веранду, пока что просто в коробках и ящиках, и сели пить чай с московскими булками и конфетами, привезенными Тамарой и Анной, и с молоком от козы, которое принесла в бидончике доктор наук Наташа. Основательно кушать никто не хотел, наверное от жары.

Долго темнело. Сестры шумно втягивали в себя чай с молоком и то и дело хлопали на себе что-то летающее и садящееся на них, и звуки этих хлопков напоминали тяжелые, увесистые шлепки, так что, не видя, можно было подумать, что в саду кого-то сильно бьют по щекам.

Разговора по существу встречи за столом пока не было никакого, разговор шел вялый, даже неохотный, но все же можно было понять, что некоторые сестры впервые увиделись, хотя знали друг о друге прекрасно. Но никто из них не сказал: «А я тебя совсем другой представляла...» или: «Ты мне такой именно и представлялась...» — поскольку все уже давно видели друг друга на фотографиях в Интернете, где Инной несколько лет назад был заведен сайт с семейным древом. Выяснилось также, что все женщины, собравшиеся за столом, довольно успешны — это помимо семейного положения — и ничего сверх того, что у них есть, уже ничего не хотят. Тут были и адвокат с прокурором — это Тамара и Анна, и художник — Вера, которая работала сейчас на церквях и, возможно, поэтому, прежде чем войти на участок, перекрестилась, Наташа и Варя занимались наукой, Людмила из Ленинграда называла себя *криэйтером*, и сестры смеялись над этим словом, Лида — военврач, получала хорошую пенсию как участник Афганской войны, Инна просто жила в Австрии с мужем, глупым, по ее мнению, но одновременно и умным немцем, и, кажется, ничего не делала, Марина — тренер по баскетболу — недавно оформила инвалидность из-за болезни сердца, но выглядела самой цветущей из всех сестер и больше всех двигалась, таская эту самую воду в ведрах, Надя же подкатила к даче в черном автомобиле с «мигалкой» и государственным номером 001, сестрам было известно, что работа ее секретна, и поэтому ей вопросов относительно рода занятий не задавали.

Зажегся свет на веранде и над сараем. Сестры молчали, не зная, с чего бы начать, какие бы подобрать действия или слова, чтобы придать этой встрече хотя бы оттенок трогательности, поскольку каждая из сестер пока что испытывала в душе только одно: пройдет как-нибудь завтрашний день, отметят восьмидесятилетие *моего* отца, все разъедутся, да и всё... Инна закурила, за ней еще закурили, и тогда Лида принесла на стол большую банку из-под селедки, которая довольно быстро стала заполняться окурками.

— А я на ночь поестъ люблю, — призналась Вера. — Чего бы такого сообразить?

— Знаете что?.. — сказала Надя. — А я воблы с собой целый пакет привезла, настоящей, волжской...

— То-то я заметила, что откуда-то рыбой пахнет... Тащи ее сюда! — приказала Марина.

Спустя пять минут десять сестер, расстелив на столе газеты, почти в темноте чистили и интенсивно жевали воблу, подпаливали пузыри и тоже жевали их, крашеными, у некоторых длинными ногтями сосредоточенно сдирали мясо с ребер и хребтов рыбы, обсасывали хвосты, и благодаря этому серьезному для каждого русского человека занятию как-то попутно, между делом завязались и пошли милые разговоры о том да о сём, и за столом разлилась какая-то общая теплота, все сестры почувствовали себя наконец родными и, очистив очередную рыбку, стали предлагать друг другу икру и самые лакомые кусочки. Снова поставили чай.

К полуночи жара так и не спала, светила слишком близкая, неприятная луна, было душно и в доме, и на улице, резко запахло ароматной горечью хризантем, и некоторые из сестер, как-то показательно, всей грудью вдыхая цветочный дух, выразили желание остаться на ночь на воздухе. Для этого вытащили из сарая две продавленные раскладушки и, светя фонариком, отыскали за домом, в куче рухляди, два самодельных, шатких топчана и сначала поставили все это под яблонями, возле стола, но неожиданно с близлежащего дерева ворохом прямо на раскладушку посыпались яблоки, и стало понятно, что спать эти яблоки не дадут, и тогда топчаны с раскладушками перенесли к дому, под свет веранды.

— А сеновал есть? — спрашивала Инна.

— Какой тебе сеновал! Это что, деревня? Это дача, — отвечала Лида. — Вообще-то не выражай тут.

Как-то настелили белья из того же дачного барахла и улеглись, кто в доме, кто на улице, полуголые. Доктор наук Наташа осталась с сестрами, на дачу к себе не пошла.

То и дело скрипели пружины раскладушек, с шелестом, стремительно падали и ударяли о землю яблоки.

— А не залезут через забор? Что-то боязно.

— У меня газовый пистолет есть!

— Вот болтушка!

— Давайте спать, пистолет!.. Ног нету после такой дороги! — сказала Варя из Магадана.

* * *

Утро было без общего завтрака, который не склеился из-за того, что ни с чьей стороны не было призыва к нему. Хозяйка Лида все спала и спала, и поэтому что-то пожевали порознь, попили и разошлись кто куда: магаданские Марина и Варя, скучая по теплomu солнцу, немедленно легли загорать, передвинув шезлонги на солнечное пятно, Наташа и еще трое ушли к станции, в магазин, а остальные, растолкав наконец Лиду, двинулись под ее предводительством, захватив полотенца, в сторону пруда, охлаждать свои большие, уже с утра перегретые тела.

— Красотища! — оценил эту процессию пожилой сосед, сидевший в тельняшке и дымивший массивной трубкой на скамейке, возле дома напротив.

Несмотря на жару, в середине дня, собравшись, сестры все вместе стали готовить еду, состряпали много блюд на любой вкус и расположились под яблонями обедать.

Обедали широко, с большим аппетитом, съели гору салата, несколько куриц, поджаренных и разрезанных на куски, приличное блюдо мяса с

картошкой и особенным австрийским соусом рибизель, приготовленным Инной, запивая все это яблочным сидром из двадцатилитровой бутылки, едва забродившим, но очень вкусным, пахучим. Затем последовали творожная запеканка с изюмом, блинчики с медом и ягодный мусс. Освободившуюся посуду сестры сразу же убрали и, сполоснув, возвращали на стол сухой и чистой, все это происходило беспрерывно, ели, пили, убрали, хватаясь за одну тарелку, чтобы помыть ее, то и дело вилки втыкались в один и тот же кусок курицы или мяса, к салатной ложке тянулись несколько рук. Похоже было, что начал действовать какой-то единый организм, но разделенный на десять частей. Попутно сестры отбежали к колодцу, окатывали себя водой из ведра, визжали при этом, смеялись и возвращались к столу мокрыми и... снова голодными.

Наконец, насытившись, покурили и разлеглись по своим ночным местам отдохнуть, запланировав ближе к вечеру помянуть отца.

К вечеру сестры переоделись или, вернее, оделись и неожиданно вышли к столу все в легких ситцевых платьях, как дорогих, изысканных, так и простых и даже совсем простых, которые купили себе в магазине на станции Надежда, Людмила и Вера, прикинув, что платья очень приличные, из натурального ситца, и довольно дешевые — из Иваново. Но главная неожиданность состояла в том, что на всех платьях изображались цветы, и за столом, таким образом, собрался целый букет: тут были и васильки, и ромашки, и астры, и красные маки, и розы, фиалки, ландыши, орхидеи, подсолнухи и какие-то бордовые с белыми листьями цветы, которых и вообще нет в природе, но есть в воображении художника по тканям. Сестры рассматривали платья друг друга, теребили ситец и спрашивали: «И сколько же стоит такая прелесть?»

Лида установила в дальний конец стола фотографию отца, так, чтобы всем было видно.

На фотографии был изображен молодой человек в полный рост, в парадной форме морского офицера, с кортиком у бедра, стоявший на скалах, на берегу холодного моря, холод которого исходил даже от фотографии. Вдали в море виднелся военный корабль — корабль с пушками и с белым, неразличимым номером на борту. Лицо человека на фотографии было лицом людей военной или сразу послевоенной поры, сочетавшим в себе выражение доброты, но с тем же и пониманием чего-то сурового, главного, за что можно и пожертвовать этой добротой... Пожалуй, человек на фотографии принадлежал к тем людям... впрочем, кто сейчас знает, что это были за люди.

Появилось вино, фужеры.

— Что же, — сказала Лидия, поднимая бокал, — отец сегодня родился, сегодня ему было бы восемьдесят, так что за это и выпьем!

Сделали по глотку вина, помолчали.

— Вино отличное! — нарушила тишину Вера. — Давайте еще тост! Хоть мы все и по мужьям, но давайте выпьем за нашу девичью фамилию по отцу: за Воробьевых!

— Открою секрет, время давно позволяет, — сказала Лида, — и хорошо, что мы все тут собрались: фамилия у вас девичья должна быть совсем другая...

— Это почему? — удивилась Инна. — Отец же наш был Воробьев, вот и мы, воробушки такие...

— Нет, — сказала Лидия, — мы не воробушки... На самом-то деле фамилия у отца была Синицын, и звали его не Борис, а Семен... Но после известного вам события он все поменял... Удалось поменять... Так что

изначально он был Семеном Синицыным, а не Борисом Воробьевым, так что вы все по идее должны бы быть Синицыны и Семеновны, как и я, но я родилась еще до того, и у меня в свидетельстве изначальное.

— Да-а, — сказала Вера, — а я и не знала.

— А я знала, что он был раньше Семен, — сказала Надежда, — а вот что Синицын — не знала. Моя мама, между прочим, дома его Семеном и называла. Я удивлялась, а она говорила: это так, домашнее прозвище...

— А у нас было как-то нелепо, — сказала Тамара, — наша мама, когда он появлялся, говорила: дядя Боря приехал, — и все. Это уже потом, когда годы прошли, мы узнали, что он наш отец и имя его Семен...

— А мне мама эту историю рассказывала, — призналась самая младшая из сестер, Людмила, — но про фамилию и имя не вспоминала, а я как-то до сих пор и не сообразила. Действительно, сбежать-то одно, а надо еще как-то зашифроваться...

— «Зашифроваться», — сказала Лида. — Ну и язык! Во-первых, он не сбежал, это называется по-другому...

— Ну, дезертировал... — вставила прокурор Анна.

— Сама ты дезертировала! — тут же возмутилась Марина. — Подумаешь, прокурор она! Не тебе судить отца!

— Да я и не сужу, только как это называется: сбежать из армии?.. Как? И срока давности нет, — прибавила Анна. — Иногда думаю... Нет, лучше не думать.

— Знаю, что ты думаешь: лучше бы застрелиться. Совок ты — вот ты кто, — сказала Инна.

— Девочки, не ссорьтесь! Мы все любили отца, всем он уделял, сколько мог, внимания, вы это знаете, он всех нас любил безумно, а то, что он сделал, — он сделал ради нас, и поэтому давайте это не называть побегом или дезертирством.

— А как называть? — не унималась Анна.

— Я, — ответила Лида, — слова такого не подберу... Спасся, что ли... От смерти сбежал, что ли...

— А почему, Лида, ты говоришь, что он сделал это *для* нас, хотя это было задолго *до* нас? — спросила Марина и подняла из-под ног несколько яблок и стала их резать, не вычищая серединок.

— Странная ты, Марина! — ответила Лида. — Ты на нас на всех посмотри и на себя — в зеркало! А сколько у нас детей и внуков? Приплюсуй. И все это... благодаря нашему папе. И вообще, что ты снова яблоки режешь — куда эти горы? На рынок, что ли, потом нести?

— Действительно, Маринка, хватит кромсать яблоки, давайте все-таки выпьем: за нас, за синичек и за Семеновных! — предложила Людмила.

Теперь сестры звонко почокались и выпили бокалы до дна.

— Так что пользы он принес больше, Анна, чем если бы застрелился, упал в воду и утонул, — сказала, выдохнув после вина, Лида. — Учти это, когда человека будешь обвинять.

— А почему, застрелившись, он бы упал в воду? — наивно спросила Вера.

— Ну, он маме рассказывал, что наклонился за борт с пистолетом, но в последний момент выбросил пистолет, бросился в воду и поплыл, — сказала Лида.

— Вообще, я запуталась, — призналась Инна. — И куда он приплыл?

— Давайте, — предложила Тамара, — Лиду послушаем, Лида все знает.

— Знаю, знаю, — ответила старшая Лида, — давайте я порядок установлю. Значит, после того случая — я уже тогда родилась, он поселился

в Вологде, выправил себе паспорт с новыми именем и фамилией и стал Воробьевым — там и появилась ты, Вера, от нашего отца и твоей мамы.

— Ну, это-то я понимаю, от кого появилась!

— Затем, — продолжила Лида, — по какой-то причине он уехал в Казань. Возможно, почувствовал излишнее внимание к своей персоне, слежку или что-то еще такое... В Казани родилась Надя. Но там какие-то неприятности получились с паспортом, и он оказался в Ленинграде — город большой, можно затеряться... В Ленинграде появилась Инна и, много спустя, ты, Люда.

— А почему я появилась так много спустя?

— Потому что он застрял в Магадане, где родились Марина и Варя, и только много спустя вернулся в Ленинград.

— А почему он попал в Магадан? Посадили?

— Нет, не посадили. Но был у нас еще брат Коленька, родился еще до меня — знаете об этом?

— Впервые слышим, — отозвались сестры, и только Марина и Варя сказали, что знают, хотя ничего конкретного отец про Коленьку не рассказывал.

— Ну так знайте. Коленьку, нашего братика, который родился еще до меня, — сказала Лидия, — в пятьдесят первом году сразу после побега отца, отправили в детский дом, он оттуда сбежал, попал в нехорошее общество, скитался и воровал, его посадили, и свою жизнь он закончил в тюрьме... Отец поехал разыскивать его могилку в Магадан, задержался, там и появились Мариночка и Варвара, и в Ленинград он вернулся только через двенадцать лет.

— Он меня своровал и привез в Ленинград, — сказала Марина. — Я помню. Мать за мной как безумная прилетела. Целый скандал был.

— Помню этот скандал, — сказала Инна, — и помню, как он с маленькой девочкой приехал... Но я не знала, что это ты.

— Интере-е-сно, меня он тоже увез от мамы, — сообщила Надя. — Кажется, в Магадан, но я точно не помню. Наверное, из Ленинграда он заскочил к нам в Казань и тоже украл меня, но мама как-то меня вернула. Не знаю как, со скандалом или без скандала.

— Видимо, он хотел объединить нас всех, — предположила Вера. — Меня он, правда, не крал, но приезжал часто. Он мою маму любил.

— А как же Тамара, Наташка, Анна? — спросила Людмила.

— В Москве он бывал наездами, маму нашу он продолжал любить, и поэтому родились после меня Анна, Тамара и Наташа, — ответила Лида.

— А почему, Лида, тебя не отправили в детский дом?

— Меня мама в деревню увезла.

— А где братик наш Коленька похоронен? — поинтересовалась Инна.

— На сопке, — в один голос ответили Марина и Варя.

— С отцом понятно, а что было с дедушкой? Вроде отец из-за него пострадал. Темная для меня история, — призналась Вера.

— С дедушкой было то же самое, что и с прадедушкой, — ответила Лида.

— А что было с прадедушкой?

— Прадедушку расстреляли в тридцать седьмом году как английского шпиона.

— А он что, был английским шпионом?

— Нет, он был партийным работником.

— А дедушка?

— Дедушку нашего арестовали тоже как английского шпиона.

— А он был шпионом?

— Нет, не был, дедушка тоже был партийным работником.

— А дедушку после ареста тоже расстреляли?

— Нет, дедушка — тоже Семен — сидел в лагерях, потом его отпустили на поселение, наш отец уже под другой фамилией ездил к нему и встречался с ним на реке Обь — есть такая река. Они встретились посередине реки, оба приплыли с разных сторон на лодках. Дедушка сказал нашему отцу, что у них для свидания есть всего полчаса и что больше они в жизни не встретятся.

— Как же так, почему он знал, что не встретятся? — спросила Вера.

— Я не знаю нюансов, — ответила Лида, — но они полчаса поговорили и расплылись по реке. Больше наш отец дедушку не видел. Это мне рассказывал сам отец.

— А что он тебе еще рассказывал? — спросила Марина.

— Он мало рассказывал про прошлое, про себя вообще ничего. Мне мама в основном рассказывала.

— А что она рассказывала?

— Да все! Например, что по ночам у подъезда года до 57-го то и дело черный воронок караулил, все караулил и караулил... В доме соседи относились по-разному: одни говорили — дезертир, другие — молодец, герой! Один гад во дворе, большевик старый, все ходил зимой с палкой — стучал по трубам, лед сбрасывал — нашел себе занятие — трубочист — так и лез к маме с вопросами: а от кого у тебя этот ребенок? а от кого у тебя этот ребенок?.. Это про Тamarочку, Наташу и Аню... Так и лез в душу: муж, наверно, жив, бывает у тебя... Но ничего, говорит, органы дознаются...

— Так ведь и дедушка, и прадедушка большевиками были... — сказала Люда.

— Они другие большевики были, а это другой... В общем, тебе не понять... И еще одна, Виноградова такая, профура такая кудрявая: дезертир, дезертир... У самой дети оба лунатики, по карнизам ночью ходили, а она про нашего отца все спрашивала: Семен не появлялся? Семен не появлялся?.. Стукачка, что ли, была. Не знаю. Лучше бы за детьми следила. И еще неприятности были. Вот, например...

Выговорившись, Лидия предложила, пока есть свет, сфотографироваться всем вместе, но Вера сказала, что это банально и выглядит так, как будто они больше не встретятся, и сбежала за детским альбомом для рисования, который заметила еще днем на веранде, и стала зарисовывать сидящих за столом девятерых сестер. Но вдруг махнула рукой и бросила рисовать.

— Девочки, а вы знаете, что вы похожи друг на друга, как китайцы? — сказала она. — Неинтересно даже.

— Нагородил огород наш папочка!

— Это все потому, что мужиков после войны мало было...

— Не городи огород, он что, особь был какая-то, как в фильме... Нет, тут другое...

— Он джаз любил. До последних дней. Причем только пластинки признавал. Я сама ему пластинки заводила, когда он уже болел, не вставал, — сказала Тамара.

— Что пластинки! Он и стихи писал, пять тетрадей осталось, я еще внимательно не смотрела, вот посмотрю, может, опубликуем, — сказала Анна.

— Лида, расскажи про самое главное, как все это получилось, — попросила Анна. — Я-то знаю, но тут не все знают.

— Итак, — продолжила Лида, — дедушку арестовали как шпиона, и тут же это откликнулось на нашем отце. Он маме рассказывал, та — нам, это когда уже можно было, когда годы прошли, когда мы уже повзрослели. К эсминцу, где он служил капитан-лейтенантом, подплыл адмиральский катер, команда выстроилась. Из катера поднялся на борт адмирал, краснолицый такой, прошелся так вдоль моряков, остановился перед нашим отцом и спрашивает: «Синицын?» «Синицын», — отвечает отец. Адмирал берет и срывает с него погоны и говорит: «Вы — матрос!..» При всех.

— Почему?

— Как то есть почему? Сын шпиона — офицер на боевом корабле! Долго не разговаривали.

— А дальше?

— Дальше офицерская честь... В матросы, что ли, идти?.. Он должен был застрелиться...

— В каюте?

— Да при чем тут где? Просто застрелиться. Но он не застрелился, я говорила: выбросил пистолет, кинулся в воду и поплыл... Заметьте, девочки, море было Северное, холодное, скалы вдали, на них он и выплыл.

— А про скалы кто тебе рассказал?

— Ну, это я так, в дополнение. А что там может быть, на северном берегу, кроме скал? Смотрите на фотографию.

Но к этому моменту стало почти темно, и контуры фотографии на столе хоть и были видны, но что там на фотографии — было не различить.

Разлили еще вина и выпили, молча, без тостов. Снова сам по себе зажегся свет на веранде и над сараем. Четверо из сестер ушли в дом, стянули с себя ситцевые наряды и, опять полуголые, прилегли на скрипящие раскладушки и шаткие топчаны под верандой. Остальные продолжали сидеть за столом.

— А ведь у отца были еще два брата и сестра. А с ними-то что стало после ареста нашего дедушки?

— Они не были военными, и поэтому их просто арестовали. Как детей шпиона. И посадили. Они потом тоже детей нарожали. Но это уже ваши двоюродные братья и сестры, их не меньше, чем вас.

— Господи! — воскликнула Вера, перекрестилась. — Что за страна!

— Не люблю Виноградову, — призналась со своей раскладушки Тамара.

— А я бы этого трубочиста по башке бы трубой водосточной... как следует... — призналась строгая Анна.

— Переведем тему, грустно, — сказала Надежда.

— Что, мадам, они там, в Австрии, про нас говорят и думают, про русских? — спросила Марина.

Инна ответила не сразу и как будто во сне:

— Все известно, читай в Интернете, смотри телевизор...

— Нет, с твоей точки зрения?

— Мягко говоря, что мы — нелепые.

— Это почему?

— Они не знают, что мы про себя все знаем. Думают, что мы ничего не знаем, да и вообще мало что понимаем, — ответила Инна. — Йохан считает, что я — ребенок, и поэтому не хочет детей, говорит, хватит и одного.

Наступила пауза.

— Я бы сказала... — отозвалась наконец со своего топчана Марина, — но я лучше пойду огурец на грядке сорву.

Чиркая зажигалкой, она нашла что-то на грядке, вернулась, легла, захрустела.

— Не горький? — спросила хозяйка Лида.

- Да я редиску выудила.
- Ты хоть помыла?
- Я поплевала и вытерла.

.....

- А я помню, он все коробочки клеил из дерева и раскрашивал. Говорил: для будущих драгоценностей, — сказала Лидия.
- У нас есть две такие коробочки от него! — сказала Варя.
- И у нас есть, — призналась Людмила.
- И у меня есть одна, — вспомнила Надя.
- Ну и что ты в ней хранишь? — спросила Лидия.
- Драгоценности и храню, брошку одну... — ответила Надя.
- Что у тебя за работа, Надя? Хотя приблизительно...
- Ну, в общем-то... в общем-то я и в Казани-то редко бываю. В основном в Сибири живу.
- В лесу? — наивно спросила Инна.
- Да нет, конечно, так, в городке в одном... Но вокруг правда лес!
- А что вы там делаете?
- В общем-то... В общем-то мы делаем: бум!
- Большой?
- Более чем...
- Успешно?
- Вполне, можете спать спокойно.
- И опять женщины! — сказала Лида. — Нет, мужиков, нет. Вы стол оценили? Как лодка качается. Это мужчина сделал!..
- Но табуретки тоже вроде бы самодельные, а даже не скрипят.
- А вот табуретки я лично сколачивала!
- У тебя талант.

.....

К рассвету никто из сестер так и не уснул, и хотя некоторые и уходили, зевая, в дом, но спустя сколько-то возвращались и, продолжая зевать, присаживались за стол, пригубляли вино, срывали яблоки над собой, курили. Дважды ставили чай.

Тамара включила телевизор на веранде и позвала:

— Девочки, зори тихие здесь идут, может, посмотрим вместе?

Но Лида ответила:

— Ненавижу...

— Чего ненавидишь?

— Кино это ненавижу.

— Почему?

— Это же козел-провокаатор был, угробил девок, а сделали героя, все распонявились. У нас вот в Афгане мужики за нас бы... Да, ладно, не буду...

— Бросьте, девочки, это же кино, искусство! — сказала Вера.

Но смотреть никто не пошел.

.....

Едва начало рассветать, поднялся туман, и, как только солнце осветило его как будто бы изнутри, сестры начали день: стали умываться в тумане, фырча, под умывальником, прибитым к стене сарая, специально

толкаться боками, как дети, подчеркивая домашнюю атмосферу, прихорашиваться, помогать друг другу с готовкой завтрака. Кто-то сразу уже оделся в дорогу, собираясь на самолеты и поезда. Запахло большой яичницей с салом, духами, лаком для волос, перебивая острый яблочный дух, стоявший в саду.

— Господи! — воскликнула Инна. — Я же элитный кофе привезла!.. И шоколад швейцарский! Будем угощаться!

Вскоре какой-то чувственный запах высокосортного кофе расплылся по саду, из обыкновенной кастрюли, поскольку кофейника на десять персон у Лиды не отыскалось. Правда, с чашками повезло: из буфета достали немецкий сервиз, и сестры чинно, двумя пальцами держа кофейные чашечки, пригубляли серьезный напиток.

Лида тем временем поковырялась на грядках, что-то помыла, почистила и выставила как дополнение к завтраку тарелку с перезревшей редиской:

— Трескайте!

Сестры все как одна тотчас же захрустели редиской, запивая элитным кофе и заедая шоколадом.

— Эй, женщины, может, дадите на бутылку? — раздался из-за забора голос соседа. — Только по-тихому, не через калитку...

Лида пошла в дом, а Тамара крикнула ей вдогонку:

— Вот они, наши мужики! Да не давай ты алкашам этим, скажи, нету денег, и все!

— Ты давай меня не учи! — огрызнулась Лида, вынося из дому кошелек. — Дядя Коля тоже бывший моряк, видела тельняшку? На, дядя Коля, — и просунула деньги в щель забора, — выпей за нашего отца, вчера ему восемьдесят было бы!

— Ну-у, мы с Борисом большие друзья были, — сказал голос из-за забора. — Воробьев — фамилия на флоте известная! Я ему и палку из ореха сделал, легкую... А то денег нету — усы загибаются!

Тамара и Надя посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Что и говорить, усики и у меня пробиваются, — призналась Вера. — Видимо, наследственное. Сражаюсь как могу, не поверите, даже молюсь иногда — чтобы их не было.

Надо было прощаться, сестры все как одна, были на грани слез. Увидятся ли еще? Трогали друг друга как какую-то драгоценность, гладили, причем даже те, которые были москвичками и могли видаться хоть каждый день. Подходили к фотографии, так и оставшейся на столе с вечера, шептали что-то или делали вид, что шепчут. Потом снова прощались и, уже со слезами, утирая слезы, шли к станции с нелепыми, раздутыми от яблочных пакетов, которые били их по мускулистым ногам.

— За Надей воронок прикатил! — крикнула Инна, курившая на улице, возле открытой калитки. — Лидка, собери ей необходимое! Кто знает, вернется ли...

— Не дури! — отозвалась Лидия.

Шоферу, приехавшему за Надеждой, насыпали полный багажник недозревшей антоновки, но зато с дерева, и он прихватил с собой Людмилу и Инну, хотя и бурчал, что это строго запрещено.

Лидия и Наташа, сестры — соседки по дачам, оставшись одни, вздохнули и стали допивать теплую гущу кофе, оставшуюся в кастрюльке, не замечая, что на участке уже стоят две длинные девочки-осинки и смотрят на них.

Видел ли все это Семен Синицын, додумывать не имеет смысла: конечно, видел. Раз Бог решил: спасу Синицына, то и увидит наверняка дал.

Слезы Могерини

Исповедь голограммы

Вчера я впервые в жизни перекрестился, причем перед иконой. Самостоятельно, без нажима или совета с чьей-либо стороны зашел в церковь, самостоятельно купил тонкую свечку за десять рублей, поставил ее перед иконой — не знаю, правда, перед какой, и перекрестился, и тоже не знаю, да и упустил, слева ли направо или справа налево, правильно ли или неправильно, не знаю, но сверху вниз в самом начале — это точно. Скажете, странно: человеку под пятьдесят, а он не знает таких элементарных вещей? Да вот, не знаю, не так был с детства воспитан, не держал в руках церковных свечей, не любовался загадочной лампадкой, никогда не носил и тем более не целовал святого крестика, не лицезрел икон с тем христианско-православным благоговением, как верующие, не испытывал восторга или смирения, заходя в церковь, — виновен, не дали в детстве, не просветили, иконы для меня что картины, церковь — музей... Но вот вчера взял пошел в церковь да и перекрестился, хотя душу свою переустраивать не собираюсь... Рано... Разобраться еще нужно со слезами, которыми я плакал там, возле иконы... В чем дело тогда? Почему перекрестился? Расскажу.

Родители родили меня, Роберта Иванова, поздно, очень поздно, обоим было под сорок, и имя мне дали из своего поколения: в честь одного поэта. Было что-то искусственное в моем рождении, была какая-то тайна, которая мне до сих пор неизвестна. Нет, родители не усыновили меня, я установил это подлинно, было что-то другое, но что — я не знаю, да и не хочу докапываться: а вдруг, а возможно, что я не совсем человек... Близкие родственники, дядька и тетка, высмеивали эти мои подозрения и говорили, что знают меня с младенчества, что я — человек, со смехом рассказывали, что в самом далеком детстве, сидя, как царек на высоком, специальном стуле над столом за едой, я часто и, подозревали, сознательно издавал определенного рода звук и смотрел при этом на реакцию родителей. Если родители морщились, я кидал в них кашей из ложки; если не морщились — не кидал. И возможно, поэтому мне дали домашнее прозвище Божок-пукишка. Не обижаюсь, что-то в этом и есть...

Как поздно родившегося, единственного ребенка, меня, Божка-пукишку, холили и лелеяли как могли в довольно зажиточной семье то ли партийных, то ли профсоюзных деятелей среднего ранга — до сих пор не понимаю род занятий родителей, да и, честно, и не хочу понимать. Только школа — квартира, а летом только подмосковная дача с длинными, пустынными, как пустынные коридоры, — поскольку заборы были сплошные — просеками вокруг и нянькой, и больше не отпускали от себя никуда, потому что считали, что повсюду витают зараза и различные неприятности, нежелательные влияния. Телевизора дома не было, только газеты. Летом нянька давала мне приблизиться к пастуху, который пас двух коров на окраине дач и снабжал весь поселок парным молоком. Пастуха звали Касьян, а приблизиться нянька давала метров на тридцать. Имя Касьян у меня ассоциировалось с косой, и поэтому я с детства считал, что все пастухи ходят с косой и косят траву — это в дополнение к коровам. Узнал же я, что пастухи ходят с кнутом и не обязательно косят траву, довольно поздно, из книг. Я особенно любил заболеть, потому что тогда все желания мои исполнялись, как в сказке. Собственно, какие у ребенка желания? Абрикосовый компот из банки, книжки и конструкторы на одеяле... Да, холили и лелеяли как могли. Словом, я жил царьком.

На двадцать четвертый год моего царствования родители взяли и бросили меня — сами умерли один за другим, а меня бросили одного. Очнулся я без родителей, но зато с хорошей квартирой и сказочной дачей: с участком с соснами, елями и березами. Но дачи на ту пору начали жечь, чтобы выкупить потом землю у малоимущих хозяев, которые не имели средств, чтобы эти дачи восстановить. Я же средств как раз не имел — на работе меня, как и миллионы других, безжалостно «сократили» — и подумал: «Истрачу-ка я эту дачу на дело, на пользу...» Я продал дачу, разложил и припрятал деньги на годы вперед и засел за роман. Как сейчас вижу, как я раскладываю эти деньги в разные закутки квартиры, в основном в шкафы с книгами. Да, первым делом, еще до раскладывания, я купил телевизор, несмотря на «завещание» родителей никогда не смотреть телевизор. Включил его, тут же выключил и засел за роман. Попутно роману сразу появились несколько женщин — писатель всегда притягивает. Словом, после смерти родителей я расправился во всех отношениях. Хотя... хотя еще с тех пор, как нянька прогуливала меня по просекам, я чувствовал себя в жизни каким-то необоснованно посторонним... Не лишним, но именно посторонним, и, как только родители умерли, чувство это усилилось.

Миновал год, роман не дался, и в одиночестве я сжег далеко от дома, на пустыре, написанные от руки двести страниц... Написанные ни о чем... Собственно, я понял, что интеллекта особого у меня нет, есть начитанность, да и начитанности нет, есть любовь почитать, погрузиться в миры, но создавать собственные миры я оказался не способен, дара не было. Вскоре выяснилось, что и романы уже не нужны — платить за них перестали, государство обнищало, так что я и не пожалел, что сжег эти двести страниц. С женщинами — полное разочарование! Да и они были мной недовольны, почему-то все говорили: «Ты, Роберт, скользкий тип... Ты как будто бы есть, но как будто тебя и нет...» Стал искать, что делать. Деньги были, и я купил себе... «мерседес». Но, помня известное предупреждение: «Деньги — голуби: прилетят и опять улетят...» — купил, конечно, не новый. Но все равно авто оказалось шикарным.

Сев в «мерседес», взяв управление, понажимав кнопки и рычажки, я почувствовал, что управляю какой-то покорной женщиной. Мало того, я почувствовал истинную свободу, какую не знал раньше! Ничто не ограничивало движений, и голова не засорялась теми шумами, которые издают отечественные «консервные банки». Я даже, признаюсь, невольно издал тот самый звук, который издавал в детстве, сидя над столом за едой... Хорошо, что рядом никого не было. Свобода!

Я плавно тронулся с места и поехал, нет, погнал, быстро погнал куда глаза глядят. Было лето.

Все лето я пропутешествовал в одиночестве, продвигаясь по одному и тому же шоссе все дальше на север от Москвы, разглядывая и познавая Россию из окна «мерседеса». Сначала отмахивал километров двести, потом сворачивал налево или направо, объезжал округу, петлял по проселкам. Заезжал на возвышенности, на холмы, где вились ласточки и откуда были видны округи, выходил из машины и оглядывал, оглядывал все вокруг, пытаюсь найти смысл в почти безмолвном окружающем мире России. Там — деревеньки в низинах, еле теплятся, там — пришибленные церквушки без куполов, там — речушки, еле текут не поймешь куда, на север или на юг, там — луга без коров, там — огромное озеро без парусных лодок... В конце дня обычно определялся по карте, снова выезжал на большое шоссе и возвращался в Москву. В следующий раз уезжал за

триста, потом за четыреста километров, пока дело не дошло до пятисот, после чего деревни стали совсем редкими, шоссе пустым. По существу, лента шоссе шла как будто бы в никуда, машины встречались раз в час. Я и не знал такой пустой России, да и вообще я ее не знал. Спал я в машине, поставив ее на обочину, за которой обычно пролегал канава, наполненная водой, спал урывками, да и в молодости сна много не нужно — отдохнул и поехал дальше.

Вскоре я попал в такие места, где редкого человека можно было увидеть на автобусной остановке, редкого жителя возле дома или избы, а уж пешеход на обочине был и вовсе подарком. И поэтому, завидя издали человека, идущего вдоль дороги, я всегда притормаживал... Так приятно было подвезти человека на этой пустынной дороге, перекинуться с ним словами... Особенно в дождь. Раз я подвозил женщину, у которой не было денег на автобус, но ей нужно было добраться до ближайшего городка за двадцать пять километров, добраться к сыну и доставить ему еды — он учился в этом городке на механика. Вот она и шла под моросящим дождем, с двумя тяжелыми сумками необходимой еды.

— Неужели на автобус нет денег? — удивился я, заговорив с этой женщиной.

— Нет, нету. На хлеб-то, бывает, занимаешь.

«Ну надо же, как у нас люди живут! А я и не знал...» — хотел я честно признаться вслух, но из тактичности не признался.

Зато после встречи с той женщиной я понял, что денег у народа действительно нет. Также я понял, что не знаю России, а вернее, знаю ее только по книгам, и что в этом-то и была несостоятельность моего так называемого романа — ведь я писал о России...

Теперь я ездил и думал о том, что у нас нет философии — вот и пустыня, вот и народ в полном развале, вот и роман ни о чем... Я проникал все дальше на север, искал философию своего соотечественника, о которой так много сказано в книгах, но не находил ничего. Столбы вдоль дорог и отсутствие денег на автобус и хлеб — это, возможно, поэзия, но только не философия... Другой скажет: оригинальный поиск за рулем «мерседеса»... Что же, отвечу: это мое личное божковско-пукишское дело было, мои обстоятельства...

Все путешествия были реальными, но как-то раз я заподозрил, что за рулем «мерседеса» сижу вовсе не я, а мое я, а сам я, реальный Роберт, валяюсь на своем любимом диване, под одеялом, с книжкой, а мать заходит ко мне и говорит: «Ты заболел?» «Заболел», — отвечаю я. И она приносит мне абрикосовый компот в чашке, я продолжаю читать или собирать конструктор, пью из чашки компот. Странное ощущение, которое, как я решил, означало только одно: мне надоела эта пустыня... Я не поэт, чтобы из ничего в голове моей появилось хоть что-то... Да, к тому времени голова моя опустела в пустоте русской иллюзии, которая всем знакома, и просилась домой, под уютное одеяло... Да и ощущение это описано во многих книгах, называется раздвоением... Но вскоре кое-что изменилось.

Раз я остановился посередине одной деревушки, возле одного дома, а вернее, возле колодца, стоявшего у этого дома, чтобы попить настоящей воды. Вздумалось попить воды из колодца. Ведро не было. Тут как из воздуха вывернулся какой-то хромой, не старый, летом одетый в валенки и зимнюю шапку, прошамкал мне:

— Из Москвы?

— Из Москвы.

— Знаю, есть в Москве такие номера. — И протянул руку: — Колька!

Руку этого хромого и шепелявого я пожал, но с некоторой, понятно, безразличностью. От него еще несло перегаром.

— Воды?

— Воды.

Он проковылял к дому, постучал в дверь. На порог вышла женщина в темной косынке, они коротко переговорили. Женщина что-то крикнула в дом, и тут же на пороге появилась девочка лет одиннадцати-двенадцати с ведром в руке и, прихрамывая на одну ножку, спустилась с порога и принесла это ведро мне. Тут вернулся к колодцу и этот самый, назвавшийся Колькой. Он пристегнул карабином ведро к цепи, сбросил в колодец, вытянул воду. Я показательно долго, демонстрируя жажду, пил ледяную воду, стекавшую по подбородку на грудь. Переждал, пока горло согреется, и выпил еще. На этом все и закончилось: Колька понес отдавать ведро, я крикнул «спасибо», сел в машину и укатил.

Но теперь я стал всегда останавливаться возле этого дома, и самое главное: почему я там стал проезжать? Объясню. В ту поездку я забрался в самую глушь, свернув от шоссе на боковую дорогу, и там, в одной из полузаброшенных деревень, мне предложили построить дом. Ну, я и сказал: «Стройте!» Легко оформил бумаги на землю, которую сам выбрал, на берегу камышистого озера, дал денег для начала на фундамент, потом на бревна и стал ездить раз в месяц и проверять, как движется с домом. Зимой тоже ездил несколько раз, хотя все, разумеется, было занесено снегом. Весной, когда стаяло, фундамент вроде бы обозначился, привезли бревна, сложили их и накрыли. Это была идея, заполнившая ту самую пустоту, это было, чтобы я не раздваивался и чувствовал себя реальным Робертом Ивановым.

Надо сказать, что постепенно я не то чтобы изучил, но хоть немного исследовал окружающий край, состоявший из деревень, дома которых на первый взгляд отличались обычно только наличниками на окнах, и редких, очень редких провинциальных городков, отстоявших друг от друга километров на сто. Повсюду были озера, многие из них соединялись каналами, и повсюду было наделано множество небольших шлюзов или плотин. Все это содержалось в порядке, работало, чтобы когда надо нагнать воды в большие нижние реки, где судоходство до сих пор продолжалось. Теоретически можно было доплыть из того озерца, на берегу которого у меня строился дом, в центр Москвы, хоть к Кремлю, или наоборот, из Москвы подняться к этому озерцу. Но корабли, как прежде, по каналам и малым речкам не плавали, все они валялись на берегах, поржавевшие... Впрочем, я не хочу углубляться, а то запахнет политикой.

Итак, я всякий раз останавливался возле дома с колодцем и познакомился с женщиной и ее хроменькой дочкой. Фамилию их я точно не помню, но окончание было на «ские». То ли Волокославские, то ли Велюкославские, то ли Переяславские... — что-то вроде того. Женщину звали Мария, дочь тоже Мария, но, как ребенка, Маша. Необъяснимое провинциальное — не деревенское! — обаяние исходило от них обеих; у Маши была коса; в конце апреля я заметил на щеках и носах мамы и дочки немало веснушек. Я познакомился с ними уже на второй раз, они позвали меня в дом пить чай. Потом уже, в следующие разы, они даже ждали, когда я проверю строительство и вернусь. И я, мельком оглядев одну и ту же картину, — мне все говорили: фундаменту надо дать отстояться, — мчался назад, к дому с колодцем, где Машенька обычно уже поджидала меня, стоя возле колодца и всматриваясь в приближающиеся машины.

— Мое дело, — рассказывала Мария за чаем, обычно с печеньем и сладкими сухарями из магазина, — следить за плотиной. Открыть плотину и закрыть плотину — вот и работа.

— А еще у нас есть коза! — добавляла Машенька. — И маме я помогаю с плотиной: мы вместе лебедку крутим! — И она грызла очередной сладкий сухарь.

— А муж где, отец? — спрашивал я.

— Известно где, как и у всех... — отвечала Мария.

Вот и пойми!

— Зимой, — говорил я, — здесь, наверное, скучно. Народу-то почти нет в деревне...

— Зимой Машенька в школу ходит за пять километров... То ходит, то не ходит — у нее что-то с бедром. Когда не ходит, она все пуговицы перебирает — нам достались от бабки.

Машенька тут же вышла из-за стола и принесла, потряхивая, маленький сундучок, с претензией раскрашенный то ли под палех, то ли под хохлому, набитый, как оказалось, необыкновенной коллекцией пуговиц всех времен и сословий. Тут было что посмотреть, и я искренне удивился тому, откуда в такой глуши могут собраться столь разные виды пуговиц. Тут были миры...

— Еще прабабка начала собирать, — объяснила Мария, — а она господ обшивала...

Правильно говорят: чего только не встретишь в русской глубинке!

После чая я прогуливался по шоссе вдоль деревни, представлявшей собой двадцать домов по одной стороне и двадцать пять по другой. Людей не было. В некоторых окнах я замечал как бы застывшие лица. В холодное время дымили лишь несколько труб. В прогулках этих меня обычно сопровождал уже знакомый мне Колька, всякий раз возникавший возле меня как будто из воздуха. Он объяснял про дымы: «Вот это осинкой топят, вот это березой, вот это сосной, вот елью...» Мы доходили до церквушечки, похожей на маленький Рейхстаг в сорок пятом году, особенно скелетом своего купола, и шли назад. Впрочем, иногда я задерживался возле этой церквушки, вид которой призывал меня что-то понять в русской жизни, покопаться в своей душе и, не скрою, укалывал душу, которая после укола долго еще находилась в состоянии тоски, но, как ни странно, какой-то приятной, уютной тоски. По возвращении к дому Колька одалживал денег, правда немного, рубли, я давал, и он исчезал.

Маша поджидала меня возле машины. Она садилась в машину, я включал современную музыку, и она слушала эту музыку, песня за песней — на неизвестном ей языке. Иной раз по ее просьбе включал на полную громкость, так, что машина дрожала, и тогда сам не выдерживал, ждал, пока она насладится, на улице.

— Ты уж дай ей в машине-то посидеть, так она любит твою машину, так любит! — просила, выйдя из дома, Мария.

— Да разве я не даю? Конечно, пусть сидит.

— Пойдем, я тебе покажу плотину!

Мы уходили, а Маша слушала музыку.

Потом, несколько позже, я, подъезжая к этому дому, заранее включал любимую Машину музыку, и девочка, чуть прихрамывая, подбегала к машине, заскакивала в нее, сильно хлопала дверью, как будто отгораживаясь сразу от окружающего ее мира, и закрывала глаза в полном блаженстве.

— Какие ты любишь конфеты?

— «Коровку».

И я стал привозить Маше «Коровку». Слушая музыку, она обедалась этой «Коровкой», и один раз ее даже стошнило.

Вообще, я взял привычку что-нибудь привозить, и обе Марии с тактичностью принимали всякие приятные мелочи, которые можно было пожевать, погрызть, похрустеть ими. Мария в ответ всегда угощала меня ни с чем не сравнимым по вкусу испеченным домашним хлебом... Однажды осенью, поздней осенью, когда на деревьях уже не было листьев, я привез Машеньке шарик — огромный надувной красный шарик в форме сердца, купленный на ВДНХ. С шариком этим она прошла, слегка хромая, по шоссе от дома вдоль деревни и обратно. Наверняка вечные бабки в окнах заметили ее с шариком. Ветер чуть не вырвал у нее этот шарик, который продержался надутым очень долго, до середины зимы, когда я в очередной раз остановился возле колодца. За домом был прудик, совсем маленький, вырытый, по словам хозяйки, для поливки огорода, и я увидел, что Машенька, подвертывая большую ножку, катается на коньках по этому пруду размером с пяточок, катается в одиночестве под луной, держа в руке этот несдувшийся шарик.

Увидев, что я приехал, она быстро проковыляла на своих коньках к дому, быстро переобулась, выскочила и запрыгнула в «мерседес».

— А не хочешь ли ты побывать в Москве? — спросил я в тот раз. — Я могу вас с мамой отвезти на пару дней.

Она подумала и сказала:

— Нет, не хочу. Да и отлучаться нельзя — у нас коза.

...Была осень. Дожливо. С деревьев падали листья, и, пока я пил чай в доме и грелся у печки — ради внутреннего уюта, — весь кузов машины засыпало желтыми листьями. Машенька, прежде чем забраться в машину, тщательно стала не смахивать, но собирать эти листья и засовывать для чего-то в карманы одежды; набила один карман, другой и только после села в машину.

— А зачем тебе эти листья?

— Ну как... Я их разглажу, высушу, а потом наклею куда-нибудь — будут листья с вашей машины, буду помнить. «Мерседес» все-таки, не какой-то там трактор... И еще: привезите мне фотографий.

— Каких?

— Отовсюду, где вы бываете.

Я привез и позже увидел эти фотографии на стене. Вокруг были приклеены желтые листья.

Я продолжал искать философию, совершая эти длительные поездки. Фундамент все так и стоял, бревна, кажется, начали подгнивать — пусть! Машенька подрастала, но я об этом не думал, а она между тем за два года выросла на целую голову выше — я это заметил, когда она опустила сиденье машины чуть ниже. Я посмотрел на ее колени, они выпирали из брюк, округлились. Но я посмотрел не так, как можно подумать, а лишь пытаюсь сравнить две ноги — разные ли они... Нет, ноги были в порядке, одинаковые, да и хромать в последнее время Машенька стала меньше. К машине она почти подбегала, ведро с водой почти не хромая тащила в дом. А я за рулем все думал и думал, пока наконец не придумал... У Гамсуна есть философия! У Гамсуна есть персонаж, который дарит девочке швейную машинку, о которой та вроде мечтала... Правда, Машенька не мечтала ни о какой швейной машинке, но все же, подумал я, это будет оригинально, философски, да и полезная вещь будет в доме! Нет, Гамсун — философ!

Машинку я тут же купил, вытащив деньги как раз из третьего тома Гамсуна (!), и в первую же поездку к фундаменту погрузил в «мерседес».